

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СССР**ETHNIC FACTOR IN THE USSR**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66>

EDN: IVAZFE

**Национально-государственное строительство
и его воздействие на формирование
национального состава Узбекской ССР**

К.Д. Саипова

*Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Республика Узбекистан
kamola_nuz@rambler.ru*

Резюме. Статья посвящена исследованию влияния кадровой политики советской власти в Центральной Азии на формирование национального состава Узбекской ССР. Автор на основе анализа архивных источников, статистических данных и фундаментальных работ приходит к выводу о том, что в процессе делимитации – территориально-административного деления, осуществлявшегося центральным правительством СССР в 1920–1930-е гг., не учитывались исторические, географические, социально-экономические характеристики коренных народов региона. Автор проанализировала демографическую динамику притока представителей некоренных этнических групп в Узбекскую ССР в ходе экономической модернизации республики и советского национально-государственного строительства. Работа дает представление о различающихся интерпретациях миграционных процессов в Узбекской ССР: дискурс советского союзного правительства формировался из оптики необходимости форсированной индустриализации региона, что требовало значительного насыщения местного рынка труда кадрами для промышленности. Интеграция Узбекской ССР в общесоюзное политическое пространство осуществлялась с опорой на идею о преодолении тяжелого имперского колониального наследия и «ликвидацию социального неравенства», в том числе и в Узбекской ССР.

Ключевые слова: национальные кадры, промышленность, добровольно-стихийная миграция, национально-государственное строительство, трудовые ресурсы.

Для цитирования: Саипова К.Д. Национально-государственное строительство и его воздействие на формирование национального состава Узбекской ССР. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 56–66. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66> EDN: IVAZFE

National-state construction and its impact on the formation of the ethnic composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic

K.D. Saipova

Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan

Tashkent, Republic of Uzbekistan

kamola_nuz@rambler.ru

Abstract. The article focuses on studying the influence of employment policy of the Soviet regime in Central Asia on the formation of the ethnic composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic (SSR). Based on archival sources, statistical data and fundamental works, the author concludes that the delimitation process was carried out on the basis of a narrow approach, while very little attention was paid to the historical, geographical, socio-economic characteristics of the peoples of the region. The paper outlines differing interpretations of migration processes in the Uzbek SSR: discourse of the Soviet Union government had been formed driven by the optics of the need to carry out forced industrialization of the region, which required saturating the local labor market with personnel for the industry. Integration of the Uzbek SSR into the all-Union political space was carried out based on the idea of overcoming the heavy colonial legacy and implementing the course of “eliminating actual inequality”, including in the Uzbek SSR.

Keywords: national personnel, industry, voluntary and spontaneous migration, national-state construction, labor resources.

For citation: Saipova K.D. (2025). National-state construction and its impact on the formation of the ethnic composition of the Uzbek Soviet Socialist Republic. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 56–66. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.56-66> (In Russ.)

С приходом советской власти, в Центральной Азии было образовано несколько «национальных государств», в том числе и Узбекская ССР. Вопрос о создании советской модели национальной государственности среднеазиатских народов, являлся достаточно проблемным ввиду сложности этнического состава территорий Центральной Азии. Деление на «национальные квартиры» требовало всестороннего изучения этнического и социального состава народов, проживавших на ее территории. Пестрота национального состава, различный уровень их социально-экономического развития, национальная ограниченность отдельных групп и низкий уровень доверия между ними создавали трудности в разрешении национального вопроса в Туркестане начала 1920-х годов. Процесс формирования новых территориально-административных границ осуществлялся на основе узкого административного подхода, при котором игнорировались исторические, географические, социально-экономические характеристики народов региона. В результате были допущены ошибки, которые в будущем привели к проблемам в приграничных ареалах созданных советским правительством республик.

Как писал И. Варейкис: «Размежевание является межнациональной и национальной проблемой Средней Азии на участке наиболее сложнейшей и запу-

танной в национальном отношении» (Варейкис, 1924: 41). По указу центрального советского правительства III Чрезвычайная сессия ЦИК Туркестанской АССР 15 сентября 1924 года приняла закон о проведении национально-государственного размежевания. Согласно закону, территория нынешнего Узбекистана была разделена между Туркестанской АССР, Бухарской Народной Советской Республикой (БНСР) и Хорезмской Народной Советской Республикой (ХНСР). Все регионы были чрезвычайно разнообразны с этнической точки зрения и не имели экономически и социально централизованной системной экономики. Созданная территориальная комиссия вела активно пропагандистскую работу, по регионам был определен национальный состав населения, составлен каталог этнического происхождения населения (этногенез), проживавшего на этих территориях (Жумаханов, 2020: 8).

Необходимо отметить, к 1926 г. в Узбекской ССР проживало более 65 различных народностей (Турсунов, 1957: 121–122), более 383 тыс. представителей национальных меньшинств; в процентном соотношении они составляли – 8,6% от общей численности населения республики. Следует отметить и то, что доля прибывших в Узбекистан за 1924–1925 годы национальных меньшинств, то есть до переписи населения 1926 года, составила свыше 34,6%. Это ещё раз подтверждает факт повышения потока мигрантов в Узбекистан на начальном этапе становления советской системы на всём Центрально-азиатском пространстве (Ата-Мирзаев, 2011:18).

Этнический состав был представлен достаточно широко: русские, украинцы, белорусы, поляки, немцы, евреи, мордва, татары, грузины, армяне, арабы, осетины и другие (Прилуцкий, 1991: 11). Их численность по данным Всесоюзной переписи 1926 г. представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Национальный состав Узбекистана
по данным Всесоюзной переписи 1926 года***

Нации	Тыс. чел	%
Все население	5267,7	100,00
Из них:		
русские	246,5	4,7
уйгуры	31,9	0,6
татары	25,4	0,5
украинцы	25,8	0,5
арабы	28,0	0,5
туркмены	25,9	0,5
турки	22,5	0,4
европейские евреи	19,7	0,4
среднеазиатские евреи	18,2	0,3
армяне	15,0	0,3
иранцы	9,8	0,2
кашгарцы	9,2	0,2

немцы	4,4	0,1
белорусы	4,6	0,1
цыгане	3,5	0,1
поляки	3,7	0,1
молдаване	1,8	0,03
другие	15,2	0,29

* Составлено по: (Всесоюзная перепись..., 1928: 8–9).

Необходимо отметить, что результаты работы по делимитации, проведенной в 20–30 годы XX века, имели неоднозначные последствия. С одной стороны, были созданы предпосылки для самостоятельного формирования и развития узбекской, казахской, киргизской, каракалпакской, таджикской, туркменской государственности в форме федерации. Но в то же время части коренных народов оказались в статусе этнических меньшинств на территориях, вошедших в состав других национальных советских республик. К примеру, сотни тысяч узбеков оказались на территориях, отошедших к Казахстану, Таджикистану и Киргизии, казахи – в Узбекистане, Киргизии и Туркмении и в других республиках. Будучи коренными народами на своей родине в Туркестане и представляя собой определенную историческую общность, они оказались ирредентами, т.е. перестали быть титульной нацией. Наряду с этим, плодороднейшая Ферганская долина была разделена между тремя республиками, что привело к экономической дезинтеграции. Кроме того, в некоторых кишлаках и аулах, входящих в состав многих районов Узбекистана, проживали казахи и киргизы. Был поднят вопрос об объединении этих кишлаков и аулов в составе Киргизской (Казахской) Республики. В городах Чимкент, Туркестан, Авлиё-ота (Джамбул) и Сайрам в основном проживали узбеки, а в близлежащих к ним кишлаках – казахи, поэтому состоялись дискуссии по вопросу о включении этих кишлаков в состав Казахстана (Аскарлов, 2018: 517).

Следует подчеркнуть и то, что 82% всех узбеков, проживающих на территории бывшей Российской империи, были включены в состав Узбекистана, а 75,2% всех таджиков – в состав Таджикистана. Таким образом, количество этнических групп на территориях новых республик увеличилось из-за ошибок при территориальном размежевании. Так, к примеру, в 1926 г. Ходжент сначала входил в состав Узбекистана, а затем перешел Таджикистану, в результате чего доля таджиков при проведении переписи населения названного года была высока.

Для объективности важно отметить и положительные стороны территориального размежевания. Во-первых, активизировался процесс региональной экономической интеграции, в результате которой каждая нация объединилась в территориальные производственные комплексы. Во-вторых, на основе экономических характеристик каждой нации была сформирована региональная специализация.

Миграции происходили в результате притока сезонных сельскохозяйственных кадров. К примеру, по материалам сельскохозяйственной переписи

1926 г., значительным оказался приток сезонных рабочих-уйгуров (Полян, 2001: 239). Так, приток уйгуров составлял 40 тыс. человек (Исхаков, 1980: 75). В дальнейшем, начиная с 1927 г., китайские власти стали закрывать границу для перехода уйгуров в Среднюю Азию. В 1927 г. мигрировало всего около 6 тыс. сезонников-уйгуров. В 1928 г. граница была закрыта, а в 1929 г. уйгурам вновь было разрешено приезжать на сезонную работу в Среднюю Азию (Хайназаров, 2011: 14–15). Было очевидно, что на изменение численности уйгурского населения оказало влияние уменьшение числа сезонников.

Насколько пестрым был национальный состав республики видно из того, что в одной Самаркандской области, кроме узбеков, таджиков, казахов, каракиргизов, туркмен в области проживали русские, украинцы, белорусы, латыши, поляки, немцы, мадьяры, цыгане, армяне, евреи, индусы, арабы, дунгане, мордва, южные и западные славяне и другие национальности (Варейкис, 1924: 47).

В период между Всесоюзными переписями 1926–1939 гг. произошли существенные изменения в численности и национальном составе Узбекистана. Здесь необходимо указать и на изменения, связанные с передачей территорий из одной республики в другую. Так, в мае 1929 г. был рассмотрен вопрос о передаче Ходженского округа Таджикской АССР. В результате численность населения последней возросла до 1 156 015 чел., из них 78% – таджиков. В октябре этого же года ее преобразовали в союзную республику, и она вышла из состава Узбекистана (Ата-Мирзаев, 2011: 95).

Что же касается Каракалпакской автономной области, то с 1930 г. она входила непосредственно в Российскую Федерацию, а в 1932 г. область получила статус автономной республики, и в конце 1936 г. вошла в состав Узбекской ССР. В дальнейшем и в 1939, и в 1956 гг. продолжалась практика передачи земель.

В 1920-е годы в результате национально-территориального размежевания и с началом проведения индустриализации в Узбекской ССР, участились стихийные миграции в республику из Белорусской ССР, Украинской ССР и Закавказской СФСР. В основном, это были русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, осетины, армяне, грузины, лезгины и другие (Алламуратов, 1980: 15).

К началу 1925 г. Узбекистан располагал 21 отраслью промышленности со 118 предприятиями, к 1928 г. – 35 отраслями со 166 предприятиями (Буранов, 2015: 32). В 1926–1927 гг. в целях ускоренного становления в республике промышленности Узбекистану был передан ряд текстильных фабрик (Венюковская, Зарайская и Борисо-Лопатинская фабрики) (Абраров, 2010: 176).

В целом же, если оценивать миграционные процессы в СССР, то можно заметить, что они складывались под сильным влиянием административных регуляторов, а приток переселенцев в Узбекистан в значительной степени шел на основе планомерной целенаправленной переброски трудовых ресурсов, что соответствовало курсу форсированной индустриализации всей страны. Так, на заседании комиссии Госплана СССР по разработке первого пятилетнего плана промышленности в феврале 1927 г. была высказана мысль о том, что в таких

регионах как Средняя Азия, предпочтительно сразу насаждать крупную промышленность на привозной рабочей силе (НА РУз. Ф. 1619. Оп. 11. Д. 53. Л. 17). Таким образом, в 1920-е годы миграция в Узбекской ССР из добровольно-стихийной миграции приобрела принудительный характер.

В процессе осуществления политики индустриализации в Узбекистан были направлены квалифицированные специалисты и рабочие из центра и западных республик страны. В основном, русских рабочих из России отправляли в Узбекистан для работы на промышленных предприятиях и на постоянное жительство. Численность «привозных» трудовых кадров увеличивалась из года в год, а число местных кадров в процентном отношении уменьшалось. Так, в годы первой пятилетки в крупную промышленность Узбекистана было привлечено 57 тыс. рабочих, 4 тыс. человек составляли рабочие местных национальностей. Это приводило к дисбалансу и к не доверительному отношению местного населения к «привозным» кадрам (Ата-Мирзаев, 2011: 97).

В таблице 2 показан количественный приток промышленных кадров в Узбекскую ССР. В 1928–1932 гг. только для отраслей легкой индустрии требовалось 19 тыс. рабочих разной квалификации (НА РУз. Ф. 88. Оп. 9. Д. 5050. Лл. 32–34).

Таблица 2

Приток промышленных кадров в УзССР из республик СССР, 1930 г., чел.

	рабочие	служащие
Украинская ССР	2149	319
Белорусская ССР	255	51
Киргизская ССР	1557	325
Крымская АССР	207	17
Закавказская ССР	6310	832
Якутская АССР	10	0
Дагестанская АССР	17	1
Карельская АССР	20	4

Всего за 1932–1938 годы в Узбекистан прибыло свыше 650 тыс. чел., в том числе 94,3 тыс. чел. из России (Озерова, 2005: 63).

В 1932 г. добровольно-стихийная миграция в Узбекистан и в другие республики Центральной Азии лишь усиливается в результате голода, главным образом из Поволжья и других районов России, а также Украины.

Переброска трудовых кадров оказала положительное влияние на процесс строительства различных предприятий: специалисты центральных регионов страны передавали местным рабочим кадрам свой богатый производственный опыт и трудовые навыки, содействовали освоению ими современного технологического оборудования. Их вклад в создание промышленности был велик. Так,

в 1932 г. в УзССР функционировало 15 электростанций (1525 рабочих), 4 топливных предприятия (1038 рабочих), 1 каменноугольное предприятие (57 рабочих), 2 нефтедобывающих предприятия (910 рабочих), 35 металлургических предприятий (5493 рабочих), 2 химических предприятия (121 рабочий), 38 текстильных предприятий (20363 рабочих), 43 хлопкоочистительных предприятия (10197 рабочих), 4 шелк-размоточных предприятия (6411 рабочих), 17 предприятий по производству одежды и обуви (8948 рабочих), 8 швейных предприятий (5779 рабочих), 8 маслобойных предприятий (5325 рабочих). Национальный состав трудовых ресурсов представлен в таблице 3.

Таблица 3

**Добровольно-прибывшие нацменьшинства в качестве
трудовых ресурсов в УзССР (сведения за 1930 г.)***

Профсоюзы	Всего прибывших	русских	татар	армян	евреев	иранцев	прочих
горнорабочих	1739	72,89	3,11	1,50	0,12	–	2,18
кожевников	1989	41,87	4,27	3,37	5,64	–	2,11
пищевиков	10690	47,51	4,56	1,44	2,02	1,33	5,50
текстильщиков	14116	34,45	3,24	0,35	4,83	0,38	3,49
швейников	1418	61,35	2,61	3,74	18,83	1,48	1,34
строителей	23569	58,60	4,85	2,66	0,47	4,99	2,22
железнодорожников	19866	87,30	–	–	–	–	2,38
совторгслужащих	26611	49,54	4,71	–	4,98	–	5,49
медсантруд	11807	70,00	5,48	1,21	8,49	0,04	4,29
рабспрос	14289	34,74	11,55	0,83	3,79	0,45	7,45
коммунальщиков	5040	43,77	0,89	0,50	0,99	0,08	6,23
Нарпит	7154	82,60	1,40	0,64	0,17	–	4,72
%	100,0	56,47	4,28	0,93	3,10	1,15	4,41
Всего	142163	30281	6034	1321	4410	1696	6265

* Составлено по: (Национальная политика, 1930: 186).

Примечательно, что часть узбекских историков в постсоветский период критически оценивала цели переброски союзным правительством трудовых кадров в УзССР. Так, К.Х. Ханазаров в своих исследованиях связывает эти процессы с политикой русификации, что обеспечивалось, прежде всего, увеличением присутствия русского населения в УзССР (Ханазаров, 1991: 92). Другая

часть придерживается иного мнения. Так, один из специалистов по национальному вопросу Р.Г. Абдулатипов, признавая рост многонациональности во всех бывших союзных республиках, считает, что «было бы неоправданно усматривать в этом последствия некоей целенаправленной политики русификации. Прежде всего, это результат малообоснованной, научно не продуманной национальной политики» (Абдулатипов, 1991: 50). На наш взгляд, с началом индустриализации союзное правительство, пыталось внешне продемонстрировать свою заботу о преодолении тяжелого колониального наследия, реализовывало курс на «ликвидацию фактического неравенства» в республиках Центральной Азии, в том числе и в УзССР. Однако, как свидетельствуют документальные источники, в концептуальном плане союзное руководство продолжало исходить из идеологии потребительского отношения к Узбекистану.

В период между Всесоюзными переписями 1926 и 1939 гг. произошли значительные изменения в численности и этническом составе населения Узбекистана. Это было связано, во-первых, с оттоком молодежи в другие республики и регионы. Во-вторых, с распределением определенных территорий из одной республики в другую. Например, в октябре 1929 г. Ходжент вышел из Узбекской ССР и вошел в состав Таджикской АССР. В 1930 г. Каракалпакстан вошел в состав Российской Федерации, 1932 году стал автономным, 1936 г. вошел в состав УзССР. В-третьих, с усилением миграции «трудовых ресурсов» в Узбекскую ССР, с завершением строительных работ, наряду с подготовкой местных кадров, в республику из центральных регионов страны еще более усиливались переброски рабочих и специалистов из промышленных районов Советского Союза. Безусловно, всё это не могло не отразиться на трансформации национального состава республики. Наряду с этим, добровольно-стихийная миграция сменилась принудительной миграцией. В-четвертых, поступление квалифицированных рабочих, способствовало наращиванию промышленного потенциала Узбекистана, но среди 650 тыс. мигрантов наряду с опытными рабочими было и много неквалифицированных работников, иждивенцев. По сути дела, это была лишняя, не востребованная рабочая сила. Она лишь усугубила и без того значительные трудности с использованием трудовых ресурсов, которыми республика располагала в избытке, так как рост рабочей силы быстро опережал производство. В-пятых, в контексте политики социально-экономической интеграции в СССР намеренно стимулировалась переброска крупных групп рабочих и специалистов на постоянное место жительства в Узбекистан. В последующие советские десятилетия эта практика приобрела всё более масштабные формы.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что национальная политика советского государства во многом руководствовалась социально-экономическими задачами. Необходимость форсированной модернизации, целью которой было строительство, в первую очередь, промышленного сектора экономики, стимулировала формирование общей системы экономической интеграции всех территорий Советского Союза. Преимущественно аграрные регионы Центральной Азии, а одним из наиболее значимым из них была Узбекская

ССР, насыщались трудовыми кадрами, в первую очередь из различных отраслей промышленности. Это требовало переброски соответствующих квалифицированных кадров – инженеров и рабочих из наиболее промышленно развитых регионов РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. Политика их укоренения на местах в сочетании с институтом прописки и получения государственного жилья приводила к закреплению некоренных народов в среднеазиатских республиках. Подобный подход, сопровождаемый миграционным притоком иноэтничного населения на территорию УзССР, формировал полиэтничную среду, в которой декларировались равенство и дружба всех народов. Но он также демонстрировал осуществление роста многонациональности не за счет естественно-исторической, а искусственной миграции, которая является неотъемлемой составляющей промышленно-индустриального развития государства, что, в свою очередь, сказывается на развитии этнокультурного развития коренного населения республики.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

НА РУз. Ф. 1619. Оп. 11. Д. 53. Л. 17.

НА РУз. Ф. 88. Оп. 9. Д. 5050. Л. 32–34.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». М.: Мысль, 1991.

Абраров С.А. Формирование новой социально-классовой структуры общества в Туркестанской АССР и Узбекистане в 1917–1930-х годах XX века: ретроспективный взгляд на проблему сквозь призму попыток решения национального вопроса. Ташкент: Mumtozso'z, 2010.

Алламурастов Д. Очерки истории Ферганской области в советский период. Ташкент: Фан, 1980.

Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. Ташкент: Узбекистан, 2018.

Ата-Мирзаев Ш., Гентшике В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011.

Буранов Б.И. Переброска «трудовых ресурсов» – одна из составных частей миграционного притока (1920–1930 гг.) // Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар. II қисм. Тошкент, 2015.

Варейкис И., Зеленский И. Национально-государственное размежевание Средней Азии. Ташкент: Среднеазиатское государственное издательство, 1924.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.XV: Узбекская ССР. М., 1928.

Жумаханов Ш. Марказий Осиёда амалга оширилган миллий-худудий чегараланишнинг тарихий-географик таҳлили // Ўтмишга назар. 2020. №8.

Исхаков Г.М., Решетов А.М., Седловская А.Н. Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980.

Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М.: Коммунистическая академия, 1930.

Озерова Н. Экономическая политика и миграционные процессы в Узбекистане (1917–1939 годы) // Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар. Материалы международной научно-практической конференции. Тошкент: Университет, 2005.

Полян П. Не по своей воле. История и география миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001.

Прилуцкий Е.А. Национально-государственное строительство в Советском Туркестане 1918–1920 годы. Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1991.

Турсунов Х.Т. Образование УзССР. Ташкент: АН УзССР, 1957.

Хайназаров Б. Ўзбекистондаги уйғурлар диаспораси тарихи. Тошкент: Mumtozso'z, 2011.

Ханазаров К.Х. Обновление социализма и языковые проблемы в СССР // На языке единства. Ташкент: Узбекистан, 1991.

REFERENCES

Abdulatipov R.G. (1991) *The nature and paradoxes of the national*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Abrarov S.A. (2010) *Formation of the new socio-class structure of society in the Turkestan ASSR and Uzbekistan in the 1917–1930s: A retrospective look at the problem through the lens of attempts to resolve the national question*. Tashkent: Mumtozso'z Publ. (In Russ.)

Allamuratov D. (1980) *Essays on the history of the Fergana region during the Soviet period*. Tashkent: Fān Publ. (In Russ.)

All-Union Population Census of 1926. Vol. XV: Uzbek SSR (1928). Moscow (In Russ.)

Askarov A. (2018) *History of the origin of the Uzbek people*. Tashkent: Uzbekistan Publ. (In Russ.)

Ata-Mirzaev Sh., Gentshke V., Murtazaeva R. (2011) *Uzbekistan as a multinational state: the historical-demographic aspect*. Tashkent: Yangi asr avlodi Publ. (In Russ.)

Buranov B.I. (2015) The transfer of "Labor Resources" – one of the components of migration flow (1920–1930s). In: *Ethno-demographic processes in Uzbekistan*. Part II. Tashkent. (In Russ.)

Dzhumakhanov Sh. (2020) Historical-geographical analysis of the national-territorial boundary demarcation in Central Asia. *Otmishga nazar* [Looking back at the past]. No. 8. (In Uzb.)

Iskhakov G.M., Reshetov A.M., Sedlovskaya A.N. (1980) *Modern ethnic processes among Soviet Uighurs. Ethnic Processes among National Groups of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Khainazarov B. (2011) *History of the Uighur diaspora in Uzbekistan*. Tashkent: Mumtozso'z Publ. (In Uzb.)

Khanzarov K.Kh. (1991) *Renewal of socialism and language problems in the USSR*. In: *On the language of unity*. Tashkent. (In Russ.)

National policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in figures (1930). Moscow: Communist Academy. (In Russ.)

Ozerova N. (2005) *Economic policy and migration processes in Uzbekistan (1917–1939)*. Tashkent: University Publ. (In Russ.)

Polyans P. (2001) *Not of their own will: the history and geography of migrations in the USSR*. Moscow: OGI-Memorial Publ. (In Russ.)

Prilutsky E.A. (1991) *National-state construction in Soviet Turkestan (1918–1920)*. Diss. Cand. Hist. Sci. Tashkent. (In Russ.)

Tursunov K.T. (1957) *Formation of the Uzbek SSR*. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Vareikis I., Zelensky I. (1924) *National-state demarcation in Central Asia*. Tashkent. (In Russ.)

Сведения об авторе: Саипова Камола Давляталиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (100135, ул. Мехр, Ц квартал, Ташкент, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0009-0000-0533-2416>; e-mail: kamola_nuz@rambler.ru

About the author: Kamola D. Saipova, Doctor Sc. (History), Professor, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (C quarter, Mekhr St., Tashkent 100135, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0009-0000-0533-2416>; e-mail: kamola_nuz@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 24.05.2024

Доработана после рецензирования / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 31.01.2025